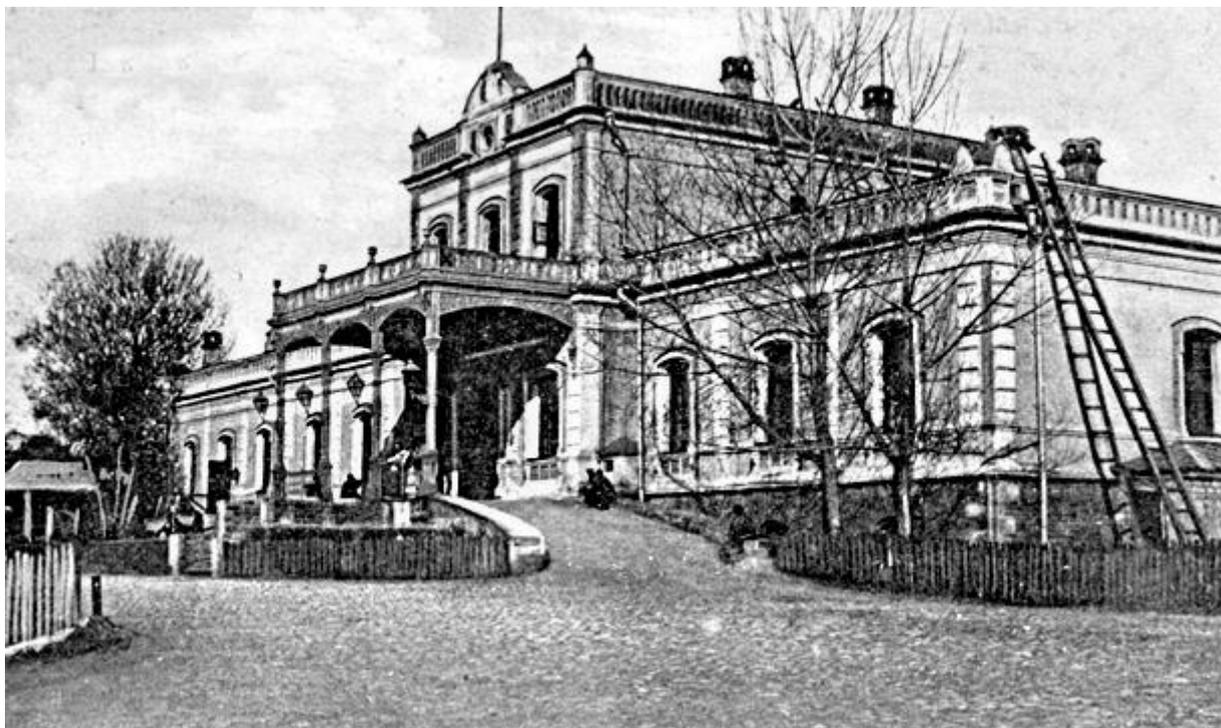

СЕРИЯ 7. ГЛАЗНЫЕ ЯБЛОКИ

СЦЕНА 1. БЕЛГОРОД. ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ.

24-е декабря 1918-го года, Рождественский сочельник.

Утро. На привокзальную площадь выходят ЕПИСКОП НИКОДИМ (в мирской одежде) и СОКОЛОВ (в штатском). Идут к извозчикам. На некотором расстоянии за ними следует человек в кожаной куртке – начальник белгородской милиции ВЛАДИМИР САЕНКО.

Вокзал в Белгороде.

ЕПИСКОП НИКОДИМ. *С Божией помощью успели всё-таки к Рождеству Христову! Уезжали – тут были серые германцы, а теперь – красные большевики.*

СОКОЛОВ. *Большевики, владыка, вовсе не красные, а чёрные. Взгляните хотя бы на того товарища, который плетётся за нами.*

(Кивает головой в сторону Владимира Саенко.)

Я его ещё в поезде заметил, когда курить выходил. Всё присматривал за нами. На кочегара похож и физиономия жуткая.

ЕПИСКОП НИКОДИМ (оглядывается). *Лицо как лицо... Не в лицах дело...*

Тем временем Владимир Саенко убыстряет шаг и почти вплотную приближается к епископу и Соколову. Спереди к ним подходит СТЕПАН САЕНКО (брат Владимира, похож на него), угрюмый, усатый, в полушубке и в чёрной папахе. С ним три солдата.

СТЕПАН САЕНКО (епископу). *Я – военный комендант Белгорода Степан Саенко. Гражданин Никодим, вы арестованы.*

Соколов оборачивается назад. Владимира Саенко упирает ему в спину револьвер.

ВЛАДИМИР САЕНКО. *Не дёргайся, мил человек! Пристрелю!*

СТЕПАН САЕНКО (Соколову). *А ты, дорогой товарищ, кто такой будешь?*

Документ!

(Соколов достаёт паспорт, Саенко по складам читает.)

При-ся-жный по-ве-рен-ный Ко-ло-тов-ский. Ишь, гусь! Что-то ты не больно на присяжного похож. Небось, контра. Поедешь с нами.

Ведут епископа и Соколова к автомобилю.

СЦЕНА 2. БЕЛГОРОД. ДОМ СОКОЛОВЫХ. Тот же день.

Ранний вечер. ОЛЬГА МАТВЕЕВНА СОКОЛОВА и ВАРВАРА собираются на рождественскую службу. Раздаётся звонок в дверь.

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Господи! Видно и нас – вслед за владыкой и Костиком.*

ВАРВАРА. *Я открою, Ольга Матвеевна. Чему быть, того не миновать.*

(Идёт в прихожую. Оттуда слышится её визг.)

Костя!!!

В комнату входит СОКОЛОВ.

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Костик... Живой...*

(Опускается на стул.)

СОКОЛОВ (целует руку матери). *И вам здравия желаю, матушка! Не ждали?*

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Ждали – не ждали, а весь город говорит, что Саенки тебя и владыку разстреляли.*

СОКОЛОВ (сидя за стол и доставая папиросу). *Как ни странно, не разстреляли – продержали три часа и отпустили. И владыку, и меня.*

ВАРВАРА. *Ну, владыку – ещё можно понять: побоялись, что город взбунтуется, но тебя-то, с твоей офицерской выправкой... Просто чудо Господь на Рождество послал!*

СОКОЛОВ. *Выправка – выправкой, а документы у меня вполне благонадёжные – на имя присяжного поверенного.*

(Показывает паспорт.)

ВАРВАРА. *Ха! Гусарского ротмистра очень легко, конечно, можно перепутать с присяжным поверенным! Ты бы ещё на архиерея себе паспорт выправил.*

СОКОЛОВ (ходит по комнате, курит и загибает пальцы). *Во-первых, архиерей в нашей компании и так был. Ещё один – это уже перебор. Во-вторых, поздравляю, ты говоришь в унисон с комиссаром Саенкой: он тоже мне всё время не верил.*

(Затягивается.)

В-третьих, другого паспорта в Киеве раздобыть не удалось, спасибо и за этот.

(Снова загибает палец.)

Есть ещё, в-четвертых: мне чаю дадут?

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Нечего чаи распивать в сочельник, пойдёшь водички попей.*

СОКОЛОВ. *Так первая звезда уже была.*

(Указывает на окно.)

Жаждал, и вы не напоили меня, был странником, и вы не приняли меня.

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Не кощунствуй!*

СОКОЛОВ. *Мужу поповны позволительны некоторые вольности в цитировании Евангелия.*

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Костик, перестань фиглярничать, и пора уже на службу.*

Восславим Рождество нашего Спасителя, Его Пречистую Матерь и поблагодарим Господа за ваше спасение.

Ольга Матвеевна уходит в другую комнату.

СЦЕНА 3. БЕЛГОРОД. ДОМ СОКОЛОВЫХ.

ВАРВАРА подходит к СОКОЛОВУ, прижимается к нему.

ВАРВАРА. *Костя, Рождество! Мы ведь на Рождество познакомились. Ты Гумилёва читал... Помнишь?*

СОКОЛОВ. *Только два года прошло, а как всё перевернулось. Отняли у нас прежнюю жизнь...*

ВАРВАРА. *За эти два года столько несчастья... Нет Павлика, нет Мясницкой... И столько счастья: у меня есть ты... Помнишь вертеп, там, на Мясницкой?*

СОКОЛОВ. *Помню, родная.*

(Целует Варвару.)

Тот вертеп нас и спасёт!

СЦЕНА 4. МОСКВА. КВАРТИРА ОТЦА ПЕТРА НА МЯСНИЦКОЙ.

Рождество Христово два года назад – 25-е декабря 1916-го года.

Та же обстановка, что и в серии 1, сцене 5. Зажигается маленький фонарик внутри вертепа около иконы Рождества, также зажигаются маленькие светильнички около вертепа. Над ним летают ангелы, их тоже освещают фонарики. В этом мерцающем свете видны детские лица: вдохновенные, подсвеченные снизу, они сами напоминают ангелов.

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА:

*И Ангел светлый предстал внезапно
Пастырям в поле с вестью отрадной,
Они поспешно в вертеп приходят
И здесь во яслях Христа находят.*

Крупным планом показан только вертеп и над ним только лица детей, среди них ВАРВАРА и ПАВЛИК. Как они передвигают фигурки не видно – создаётся впечатление, что пастухи и животные сами приходят поклониться Христу (эффект мультфильма).

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА:

*Волхвы с Востока в вертеп приходят
И в яслях бедных Христа находят,
Главы склоняют у яслей Царя,
Христу приносят драгоценные дары.*

К вертепу подходят три волхва и тоже кланяются Христу, приносят ему дары: масло, ладан и смирну.

СЦЕНА 5. БЕЛГОРОД. ДОМ СОКОЛОВЫХ.

ВАРВАРА (поёт, как бы подхватывая колядку, которую пели дети два года назад):

*Христос Владыко, в Твой день рожденья,
Поддай нам, тёмным, дар просвещенья,
Для мира свет Ты, людей отрада,
Спаси нас, грешных, от власти ада.*

(После паузы.)

Что там в Киеве? Ты так и не рассказал. Где Глеб, Федя, Игнат?

СОКОЛОВ. *Киев занят петлюровцами.*

ВАРВАРА. *Это кто?*

СОКОЛОВ. *Бандиты – те же самые большевики, только с малороссийским колоритом. Они убили графа Келлера – единственного человека, который мог спасти Россию.*

ВАРВАРА. *Как убили?*

СОКОЛОВ. *Не знаю точно... Говорят, что при попытке к бегству... Врут! Его уговаривали бежать и немцы, и мы, и епископ Нестор – граф категорически отказывался... Просто подло убили.*

ВАРВАРА. *А что с владыкой Нестором?*

СОКОЛОВ. *Когда мы уезжали, он ещё оставлся в Киеве, собирался выбираться на юг, а потом к себе – на Камчатку. Федя с ним. Владыка его от себя не отпускает.*

ВАРВАРА. *А Глеб?*

СОКОЛОВ. *Не знаю... Он и Игнат куд-то исчезли. Я пытался искать, но безрезультатно...*

ВАРВАРА. *Костя, как же ты мог их бросить?*

СОКОЛОВ. *А что оставалось? Я обязался сопровождать епископа Никодима. Его бросить? Да и что бы я сделал в Киеве? Там при петлюровцах русский офицер носа на улицу не может высунуть. Владыка Нестор обещал всё разузнать...*

ВАРВАРА (плача). *Всё равно, всё равно, ты не должен был...*

Входит ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. Варвара отворачивается и вытирает слёзы

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Что, дети, собрались? Пора и на службу.*

Направляется к двери. Соколов и Варвара следуют за ней.

СЦЕНА 6. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВАГОН ПОЕЗДА, ИДУЩЕГО ИЗ ЕКАТЕРИНОДАРА В РОСТОВ. 24-е декабря 1918-го года, Рождественский сочельник.

Камера показывает снаружи синий вагон, потом проникает внутрь. На койке лежит ГЕНЕРАЛ ДРОЗДОВСКИЙ. Он похож на скелет – исхудал, пожелтел, запали щеки, заострился нос, ввалились глаза, голова коротко острижена. Генерал спит или находится в забытии. Рядом сидит сестра милосердия МАРИЯ, размешивает что-то в склянке. Входит ТАЛОЧКА, тоже в одежде сестры милосердия. В руках у неё совсем маленькая ёлочка, украшенная ватой, гирляндами из марли и маленькими кусочками свечки, на ниточках висят леденцы и ломтики яблока. Ставит ёлочку на стол рядом с Дроздовским.

МАРИЯ (шёпотом, указывая на Дроздовского). *Только что успокоились, а то всё стонали. А ты что не спишь, Талочка? Ведь недавно с ночи сменилась.*

ТАЛОЧКА. *Хотела, чтобы и у Михаила Гордеевича было Рождество.*

МАРИЯ. *Да они не видят.*

Дроздовский приоткрывает глаза, смотрит на ёлочку и слегка дотрагивается до неё.

ДРОЗДОВСКИЙ (чуть слышно). *Киев...*

МАРИЯ. *Что, Михаил Гордеевич? Что – Киев?*

Дроздовский снова закрывает глаза.

ТАЛОЧКА. *Генерал, говорят, родом из Киева. Может быть, детство вспомнил, Рождество...*

МАРИЯ. *Что-то я недавно слыхала про Киев... Никак не вспомню... А, да, там графа Келлера эти нелюди петлюровы убили.*

ТАЛОЧКА (хватаясь за сердце). *Ой! Там же Глеб!*

МАРИЯ. *Да ты что!.. Ну, успокойся! Не всех же там убивают. Выберется.*

ТАЛОЧКА. *Его лично Дроздовский послал... А теперь ни у кого и не узнаешь...*

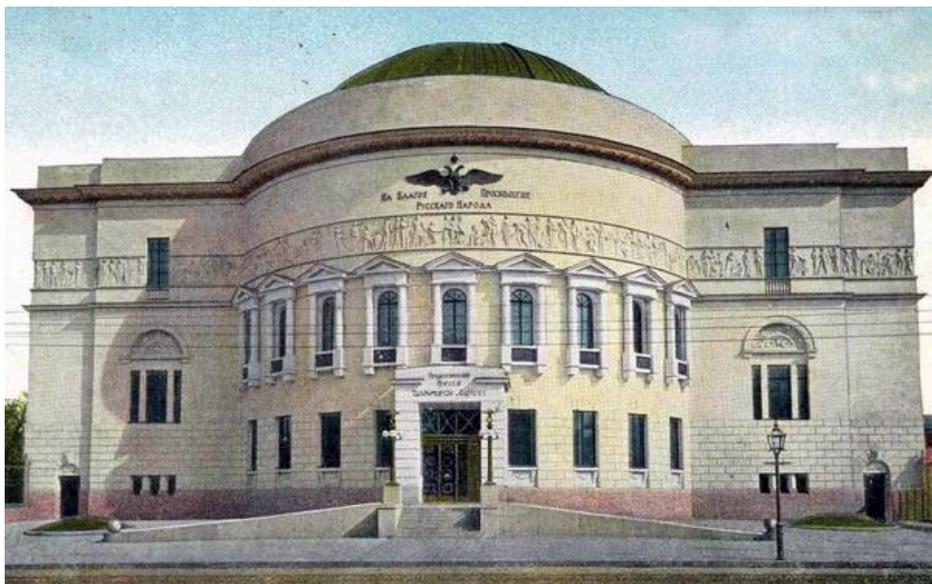
МАРИЯ. *Выберется, выберется! Я вещь.*

ТАЛОЧКА. *Так узнай тогда, что с Глебом!*

Дроздовский стонет. Мария вытирает марлей его лоб. На фоне двух склонившихся над генералом женских голов в белых косынках горят свечи на ёлочке.

СЦЕНА 7. КИЕВ. ЗДАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ. Две недели назад.

Большой зал Педагогического музея набит пленными офицерами и юнкерами. Они сидят на полу впритирку друг к другу, кто-то дремлет. Среди них ГЛЕБ. Вдруг слышатся сильный шум, неистовые крики. В распахнувшиеся настежь двери вваливается толпа петлюровцев. Во главе её озверелый УНТЕР-ОФИЦЕР с громадным маузером в руке, с выбившимися из-под папахи космами волос, весь в красных бантах. За ним следуют, на ходу клацающая затворами, расхристанные солдаты-петлюровцы в папахах с нашитыми на них жовто-блакитными кусками материи.

Педагогический музей в Киеве.

УНТЕР-ОФИЦЕР (размахивая маузером). *Вбыты всіх білих гáдив!*

1-й ПЕТЛЮРОВЕЦ. *Зачекай, Охрime, нимци цього нэподибства нэ люблять.*

РЯБОЙ УНТЕР-ОФИЦЕР. *Видчэпыся, Криворучко!*

Тут же распахивается дверь в противоположном конце зала, и входит отряд рыжих баварцев с винтовками наизготовку. Энергичный НЕМЕЦКИЙ ЛЕЙТЕНАНТ, похожий на молодого Шиллера, с револьвером, поднятым над головой, кидается наперерез петлюровцам.

Немецкая армия в Киеве в 1918-м году.

НЕМЕЦКИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. *Halt!*

В это время где-то в здании раздаётся сильный взрыв. Офицеры и юнкера вскакивают. Немцы и петлюровцы выбегают. В зале начинается суматоха.

1-Й ГОЛОС. *Из пушек по нам стреляют!*
 2-Й ГОЛОС. *Господа, спокойно! Это взрыв!*
 3-Й ГОЛОС. *Ловушка! Надо бежать!*
 4-Й ГОЛОС. *Куда? Везде эти жупанники...*

В зал возвращается 1-й петлюровец, подходит к Глебу. Вслед за ним идёт 2-й петлюровец – папаха низко надвинута на лоб, видны только длинные усы, в руке у него довольно большой узел.

1-й ПЕТЛЮРОВЕЦ (легонько тыкая винтовкой в Глеба). *Пидэмо до команди́ра. Швыдшэ!*

Петлюровцы уводят Глеба. Оставшиеся с недоумением смотрят им вслед.

СЦЕНА 8. КИЕВ, ЗДАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ПЕТЛЮРОВЦЫ ведут Глеба по лестнице на третий этаж. 1-й петлюровец открывает окно.

1-й ПЕТЛЮРОВЕЦ (Глебу). *Стрыба́й до нызу!*
 ГЛЕБ. *Зачем? Я не буду прыгать. Здесь пристреліте.*
 2-й ПЕТЛЮРОВЕЦ. *Прыгай, ваше благородие, прыгай. Рано тебе помирать.*

2-й петлюровец стягивает папаху и оказывается ИГНАТОМ.

ГЛЕБ (обнимая Игната). *Игнат!!!*

ИГНАТ. *Он самый, кто ж ишиш. Ну, некогда тут обниматься-миловаться. Вот, одевайся.*

Игнат развязывает свой узел и протягивает Глебу гражданскую одежду; тот начинает переодеваться.

ИГНАТ (указывая на 1-го петлюровца). *А это ж Петро Криворучко, писарь из нашего штабу. Помните, я сказывал, мы с ним лошадок ваших везли. А тут встренулись по случаю. Вот он и подмог.*

КРИВОРУЧКО. *Цэ да.*

ИГНАТ. *Хватит цэкать, Петро, говори по-людски.*

(Глебу.)

Готов, Глеб Петрович? Ну, давай, а то, неровён час, эти придут.

(Глеб встаёт на подоконник, прыгает вниз. Слышен его крик.

Игнат смотрит в окно.)

Ох ты, Господи!

Прыгает вслед за Глебом. Криворучко выглядывает в окно, крестит воздух и начинает спускаться по лестнице.

Петлюровцы.

СЦЕНА 9. БЕЛГОРОД. ДОМ СОКОЛОВЫХ.

25-е декабря 1918-го года, Рождество Христово.

Вечер. СОКОЛОВ подходит к своему дому, звонит в дверь. Ему никто не открывает. Константин достаёт ключ, отпирает дверь, не раздеваясь, проходит в гостиную. Там на столе лежит записка. Соколов берёт её и читает:

«Владыку Никодима снова арестовали. Тебя ищут, приходили два раза. Немедленно уезжай из города. Мы тоже уехали. Поживём пока у нашей Кати. Ты знаешь, где это».

Соколов поворачивается и выходит из дома.

СЦЕНА 10. ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ. Тот же день.

Поздний вечер. Лампада у киота едва освещает маленькую комнатку. На кровати спит ОТЕЦ ПЁТР. Как бы из киота появляется СРЕБРОБОРОДЫЙ СТАРЕЦ, голова которого представлялась отцу Петру в первом сне (серия 3, сцена 18). Старец несёт на ладони маленькую светящуюся белую церковь. Церковь увеличивается, закрывая собой старца.

Вокруг церкви на улице – мрак, свищет ветер, слышен вой. Во дворе разложен огромный костёр. В его отсветах видно, что в храме безчинствуют ПАРНИ. Они переворачивают подсвечники, рубят иконостас, рвут книги, вытряхивают мощи из ковчежцев. Всё это сволакивают в пылающий костёр. Звучит закадровый ГОЛОС ЛЕНИНА:

Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий.

В подклети церкви спрятались ОТЕЦ ПЁТР, АННА, ВАРВАРА, АГАФЬЯ. Парни выволакивают их и бросают в костёр. Предсмертные крики сливаются с торжествующими воплями парней. В огне корчатся обнажённые человеческие тела. За кадром звучит ГОЛОС ЛЕНИНА:

Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам уничтожить, тем лучше.

Всё исчезает, и снова появляется сребробородый старец с белой церковью на ладони.

СРЕБРОБОРОДЫЙ СТАРЕЦ. *Пётр, сохрани меня, а я сохраню Православную землю русскую.*

Отец Пётр просыпается в поту, вытирает лоб.

СЦЕНА 11. БЕЛГОРОД. СОБОРНАЯ ПЛОЩАДЬ. Поздний вечер того же дня.

На белой стене монастыря фонарь высвечивает кроваво-красную надпись «Через Белгород на Киев, и дальше до Берлина!». По площади, пошатываясь, идёт пьяный военный комендант Белгорода СТЕПАН САЕНКО.

Белгород. Соборная площадь и Рождественский женский монастырь (уничтожен).

САЕНКО (горланит песню):

*Ах ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ах, зачем же злая доля
До Сибири довела?*

На площади появляется СОКОЛОВ. Он приближается к Саенко сзади и достаёт из-за пазухи револьвер.

САЕНКО:

*Не стерпело мое сердце,
Я урядника убил,
И за это преступленье
К вам, друзья, я угодил.¹*

Саенко спотыкается и падает на колени. Соколов подбегает к нему, наставляет револьвер.

СОКОЛОВ (тихо). *Не дергайся, убью!*

Саенко оборачивается к нему, пытается встать. Соколов взводит курок.

САЕНКО. *А... Присяжный поверенный... Говорил им, что тебя, суку, нельзя отпускать. Гад!..*

СОКОЛОВ. *Я не разговаривать с тобой пришёл. Сейчас идём к тюрьме, и ты приказываешь отпустить епископа Никодима. Одно лишнее слово или движение, будешь трупом.*

САЕНКО. *Хер тебе! Не отпущу! Я зверь, а не человек, всех вас перережу!*

СОКОЛОВ. *Вот я тебя, как зверя, и убью!*

САЕНКО (встаёт с колен и смеётся). *Ты-то? Да ты-то, благородие, и убить меня сдрейфишь, тебе твоя религия не велит. А я вот – человек свободный! Вставлю твоему попу свечку куда надо!*

¹ Вариант песни на слова С.С. Синегуба.

СОКОЛОВ. *Убью, как чихну! Уничтожить такого людоеда, как ты, и есть та самая луковка на Страшном суде. Идём к тюрьме!*

САЕНКО. *Какая ещё луковица?*

На другом конце улицы появляется красный патруль.

САЕНКО (кричит). *Братцы, на помощь! Красного коменданта убивают.*

Патрульные бегут к ним. Соколов стреляет в Саенко, но тот снова падает, и пуля пролетает мимо. Соколов скрывается в проулке. Саенко поднимается, становится руки в боки и громко хохочет ему вслед.

САЕНКО. *Сдрейфил, благородие дерьмовое, я ж говорил!*

Военный комендант Белгорода большевик Степан Афанасьевич САЕНКО (1886–1973), один из самых страшных садистов-убийц периода Гражданской войны.

После Белгорода – заместитель коменданта Харькова Павла Кина, комендант харьковского концлагеря. В 1948-м за особые заслуги перед Советской властью награждён орденом Ленина. На пенсии выращивал цветы и воспитывал молодёжь, являясь персональным пенсионером союзного значения.

СЦЕНА 12. Дом СВЯЩЕННИКА ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ.

Следующий день – 26-е декабря 1918-го года.

В маленькой комнате за столом сидят ОТЕЦ ПЁТР и СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. На столе стаканы с чаем, просфоры.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Да, страшен твой сон, отец Пётр, а в жизни страшнее. Не поймёшь теперь, где жизнь, а где сон...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Ну, слава Господу, это всё-таки лишь сон.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *У тебя – сон, а у другого отца Петра – явь. Помнишь, я тебе сказывал про другого Петра? Его и сожгли эти изверги. Я видал... Сам еле спасся... Забыли про меня, я и уполз в лесок. Так-то вот...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Как только люди способны на такое!*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *А люди и не способны – бесы способны, которых люди в себя впускают.*

ОТЕЦ ПЁТР. *А этот старец во сне очень на вас похож...*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Все мы дружка на дружку похожи... Ты вот что, отец Пётр, поезжай к Святейшему Патриарху. Поведай ему, что здесь и в Лавре творится. И сон свой поведай. Сказано тебе было: сохрани меня. Вот и решайте: кого хранить, как хранить. Беда Лавре грозит, большая беда...*

Входит АННА.

АННА. *Батюшка, там от Василия Васильевича Розанова пришли. Ему совсем плохо, вас зовёт. Умирает...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Скажи, сейчас иду.*

(Старцу.)

До свиданья, отец.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *До свиданья, до свиданья. Христос с тобой, отец Пётр! К Святейшему поезжай, не то опоздаешь.*

Монах уходит.

СЦЕНА 13. БЕЛГОРОД. ДВОР ТЮРЕМНОГО ЗАМКА. Тот же день

В тюремном дворе вырыта яма. Около неё командир роты ЛЮ СЯ ЛИН выстраивает своих китайцев в одну шеренгу. СТЕПАН и ВЛАДИМИР САЕНКИ выводят во двор ЕПИСКОПА НИКОДИМА, переодетого в солдатскую шинель. Епископ встаёт на колени перед ямой и беззвучно читает молитву. Китайцы берут винтовки наизготовку. Епископ поднимается, подходит к китайцам и крестит каждого из них, почти упираясь в направленные на него дула.

Белгородский уездный тюремный замок.
Здесь, во дворе был убит епископ Никодим.

ВЛАДИМИР САЕНКО (Лю Ся Лину). *Теперь твоё дело, Люся, стреляйте.*

Шеренга китайцев распадается, они окружают своего командира и начинают что-то быстро говорить, то и дело указывая на епископа. Слышны слова: шэн, шэн цзе.

СТЕПАН САЕНКО. *Кончай болтать, ходя, выполняй приказ.*

Лю Ся Лин успокаивает своих и походит к Саенкам.

ЛЮ СЯ ЛИН. *Наша стрелять не будет.*

ВЛАДИМИР САЕНКО. *Как так – не будет?!*

ЛЮ СЯ ЛИН. *Наша говорит: шэн цзе! Святой!*

СТЕПАН САЕНКО. *Я тебе дам святой! Самого разстреляю к чёртовой бабушке, сволочь узкоглазая.*

Лю Ся Лин делает знак рукой китайцам, те направляют винтовки на Саенка.

СТЕПАН САЕНКО. *Пошли вон, китаёзы паршивые! Сами справимся!*

Лю Ся Лин снова делает знак – китайцы выстраиваются и направляются к зданию тюрьмы. Оба Саенки вытаскивают наганы и наводят на епископа Никодима. Епископ крестит их.

ВЛАДИМИР САЕНКО. *С нами твои штучки не пройдут!*

СТЕПАН САЕНКО. *Через вас, попов да монахов, вся революция пропала, я вас всех постреляю!*

Саенки стреляют в епископа. Яма оказывается короткой, тело сползает и полулежит-полусидит в ней. Луч солнца падает на голову епископа. За кадром звучит голос ЛЕНИНА:

Надо проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Священномученик НИКОДИМ (в миру Александр Михайлович Кононов; 1871–1919), епископ Белгородский, викарий Курской епархии в 1913–1919 гг.

Владыка много потрудился в связи с открытием мощей святителя Иоасафа. После революции в проповедях обличал насилие и убийства, совершаемые большевиками. Прославлен в лике священномучеников в 1981-м (РПЗ) и 2000-м году (РПЦ).

СЦЕНА 14. РОСТОВ. ПЕРРОН ВОКЗАЛА. Тот же день

На путях стоит поезд с синим вагоном, в котором привезли из Екатеринодара раненого генерала Дроздовского. На перроне видны малиновые фуражки дроздовцев, перевязанные головы, подвешенные руки: командира встречает толпа офицеров и солдат, находящихся в госпиталях города. Среди них – ГЛЕБ. Он на костылях, одна нога в сапоге, другая в большом валенке. Железнодорожные мастера разбирают стенку вагона. Из вагона спускаются сестры милосердия. Среди них – ТАЛОЧКА. Глеб перехватывает костыль в другую руку, машет фуражкой.

ГЛЕБ. *Талочка! Талочка!!*

Талочка протискивается сквозь толпу и бросается на шею Глебу.

ТАЛОЧКА. *Живой! Живой!!!*

ГЛЕБ (целует Талочку). *Живой.*

(Указывает на ногу.)

Только немного поломанный.

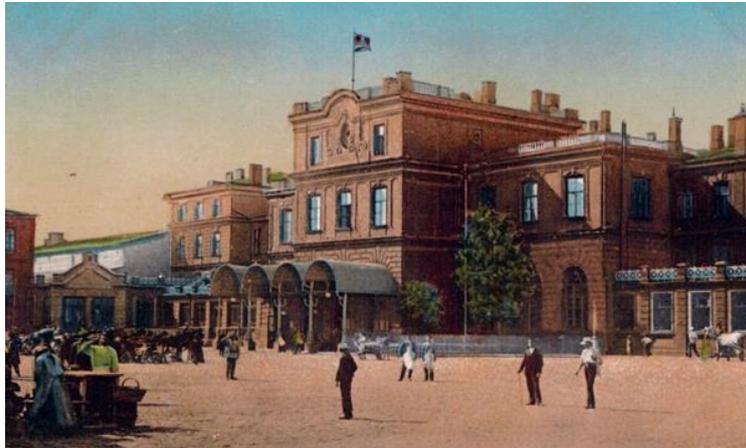
ТАЛОЧКА. *Ранили?*

ГЛЕБ. *Нет, говорю же – поломанный. Как в детстве, прыгал с третьего этажа.*

ТАЛОЧКА. *Мальчишка! Ты давно здесь?*

ГЛЕБ. *Вчера Игнат привёз. Да что обо мне... Как полковник?*

ТАЛОЧКА. *Он уже генерал. Надумали, наконец, произвести. Но дело не в этом. Совсем плохо ему. Рана, казалась, пустячная, но началось заражение крови. Сам попросил перевезти сюда. Может, здесь спасут. Почти без сознания...*

Вокзал в Ростове-на-Дону.

Железнодорожные мастера заканчивают разборку стенки вагона. Офицеры на руках выносят Дроздовского на платформу, кладут на лазаретные носилки, несут их. Толпа встречавших следует за ними, к ней присоединяются горожане. Глеб и Талочка идут в толпе. На улице показывается Гвардейская казачья бригада, идущая в пешем строю.

ТАЛОЧКА (указывая на казаков). *Кто это?*

ГЛЕБ. *Красные – лейб-казаки, синие – лейб-атаманцы.*

Перед носилками казачья бригада останавливается и разделяется на две шеренги: с одной стороны – лейб-казаки в красных безкозырьках, с другой – лейб-атаманцы – в синих. При приближении казаки выхватывают пашки и салютуют.

ТАЛОЧКА. *Надо же, казачья гвардия отдаёт честь нашему командиру.*

ГЛЕБ. *Да... Талочка, я обязательно должен повидаться с Дроздовским. Меня просил об этом граф Келлер.*

ТАЛОЧКА. *Я знаю, он погиб... Ты был с ним?*

ГЛЕБ. *Да, был...*

ТАЛОЧКА. *Теперь только бы наш выжил...*

СЦЕНА 15. ДЕРЕВЕНСКАЯ ИЗБА ПОД БЕЛГОРОДОМ. Через три дня.

Ночь. В комнате горит свечка. За неструганым столом сидит СОКОЛОВ. Перед ним полуштоф водки и стакан. Соколов наливает водку в стакан и залпом выпивает. Входит ВАРВАРА. Соколов оглядывается.

СОКОЛОВ. *Варенька, ты чего не спишь?*

ВАРВАРА (обнимает его). *А ты? Совсем раскуксился... Всем горько...*

СОКОЛОВ. *Вам – горько, а мне – стыдно!*

ВАРВАРА. *Стыдно-то почему? Перестань...*

СОКОЛОВ. *Я – неудачник, вот в чём всё дело... В Тобольске Государя не спас... В Киеве дал убить генерала Келлера... И здесь... Епископ Никодим... Я – слизняк!*

ВАРВАРА. *Прекрати, Костя, самобичевание. Это не ты – время такое...*

СОКОЛОВ. *Время? Время – это мы. Всё рушится, а я ничего не могу поделать...*

ВАРВАРА. *А меня ты любить можешь?*

СОКОЛОВ. *Тебя – могу. Это – главное, что у меня осталось! Моя единственная!*

Соколов берёт Варвару на руки и выносит из комнаты.

Рака в храме в честь священномученика Никодима в здании Белгородской митрополии на месте обретения мощей.

После разстрела тело епископа Никодима бросили в общую могилу. Через полгода Белая армия заняла Белгород, и останки владыки погребли близ раки святителя Иоасафа в Троицком монастыре. Это место смогли вновь отыскать только в 2012-м году. В 2017-м освящён храм в честь священномученика Никодима. Событие было приурочено к 100-летию начала гонений на Церковь и 5-летию обретения мощей.

СЦЕНА 16. ХАРЬКОВ. Прошло более двух месяцев – март 1919-го года.

По весенней городской улице быстро идёт СОКОЛОВ в форме командира Красной армии. Рядом с ним тормозит автомобиль, из которого выходит ЛИДИЯ ДЖЕКСОН.

Харьков .

ЛИДИЯ. *Красавец!*

СОКОЛОВ (вздрагивая и оборачиваясь). *Лидия, ты?*

ЛИДИЯ. *Нет, это мираж.*

СОКОЛОВ (несколько смущаясь). *Опять случайная встреча...*

ЛИДИЯ. *Почему случайная? Ты забыл? Разве я не говорила, что мы непременно встретимся в Харькове?*

СОКОЛОВ. *Или в Венеции...*

ЛИДИЯ. *Не забыл... Венеция, красавец, у нас с тобой ещё впереди.*

(Открывает дверь автомобиля.)

Садись.

СОКОЛОВ. *Извини, Лидия, но у меня неотложные дела.*

ЛИДИЯ. *Отложишь свои неотложные дела.*

(Осматривает Соколова.)

Садись, садись, а то какой-нибудь настоящий большевик обратит внимание на тебя в этой нелепой форме, и в одну минуту окажешься в ЧК.

СОКОЛОВ. *Почему?*

ЛИДИЯ. *Потому что у тебя на лбу написано: переодетый белогвардеец. Садись!*

Соколов несколько секунд стоит в нерешительности, потом садится на заднее сидение, Лидия – за ним.

ЛИДИЯ (шофёру). *Теперь – в Красную поляну.*

Автомобиль трогается.

СЦЕНА 17. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ. КАБИНЕТ ЛЕНИНА. Март 1919-го года.

За столом, накрытом красной скатертью, в мягком коричневом кресле сидит ЛЕНИН. Напротив него в таком же кресле разместился заместитель наркома юстиции КРАСИКОВ. У окна стоит АСТРОНОМ в чёрном костюме, фигура его едва видна.

ЛЕНИН (Красикову). *Давайте пойдём дальше. Что там у нас? Ах, да... Товарищ Красиков, вы внесли мои поправки по религиозному вопросу в Программу съезда?*

КРАСИКОВ (протягивая листок). *Внёс, Владимир Ильич. Хотя, если сказать честно, не до конца их понимаю.*

ЛЕНИН (читает вслух с довольным видом). *«Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной*

пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма».

(Возвращает листок Красикову.)

Очень хорошо! Прекрасно! Вставляйте в Программу. Так чего вы здесь не понимаете, товарищ Красиков?

КРАСИКОВ. Вот этого последнего тезиса: «заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих». Владимир Ильич, да этих фанатиков всё оскорбляет. Само существование большевиков их оскорбляет. А мы должны с ними цацкаться?

ЛЕНИН (смеется). *И претолочно, пусть себе оскорбляются. А мы всему миру нашу Программу покажем. Большевики объявили гонение на церковь? Пожалуйста, милостивые государи, читайте: заботливо избегаем всякого оскорбления чувств верующих.*

КРАСИКОВ. *Вот и оживут эти контрреволюционные гнёзда. В Ярославле, говорят, попы из пулемётов по нам стреляли.*

ЛЕНИН. *А для подавления этих чёрных гнёзд и существует другая часть программы – организация самой широкой антирелигиозной пропаганды.*

КРАСИКОВ. *Словами их не возьмёшь. Попы своё дело крепко знают.*

ЛЕНИН. *Почему словами? Слова пусть меньшевики и кадеты перед своей политической смертью произносят. А мы будем тысячу раз бить делами, бить прямо по головам! Вот возьмите, например, один из актов церковного труполжества – так называемые «мощи». Надо с этим покончить раз и навсегда, избавить народ от варварского пережитка старины, культа мёртвых тел.*

КРАСИКОВ. *Уже кое-где вытаскивали церковные мумии... Но, к сожалению, должного эффекта не получилось. Никого ни в чем не убеждает... Распространяются легенды, что настоящие мощи прячут, а вскрывают поддельные. Озлобление верующих растёт.*

ЛЕНИН. *Это наши недоработки. Их надо изживать. Возьмитесь за дело во всероссийском масштабе. Разоблачайте, как церковники веками обманывали тёмный народ. Избегайте всякой нерешительности и половинчатости при проведении подобных мероприятий. Будут сопротивляться – сурово наказывайте, вплоть до расстрелов.*

КРАСИКОВ. *Станут кричать, что мы нарушаем свой собственный Декрет об отделении церкви от государства.*

ЛЕНИН. *Пусть кричат! А мы будем ещё громче кричать, что ничего мы не нарушаем!*
(Смеётся.)

Как вы думаете, товарищ Красиков, кто кого перекричит?

ЛЕНИН в кремлёвском кабинете.

КРАСИКОВ. *Не только церковники протестуют. Об этом мне пишут даже из Наркомата просвещения.*

ЛЕНИН. *Знаю, Наркомпрос вообще находится в паническом настроении. Либеральные дурачки! Передайте Луначарскому, что если они и впредь будут жаловаться по этому вопросу, я их высеку так, что до новых веников не забудут.*

КРАСИКОВ. *Хорошо, Владимир Ильич, мы развернём кампанию.*

ЛЕНИН. *И начинать надо с центров – Москва, Петроград. Чтобы все видели масштаб. Снимайте всё на киноленту и показывайте по стране.*

(Поворачивается к Астроному, который до этого момента оставался в тени.)

Константин Алексеевич, дорогой, если вы сейчас не очень загружены работой, помогите товарищам из Наркомюста.

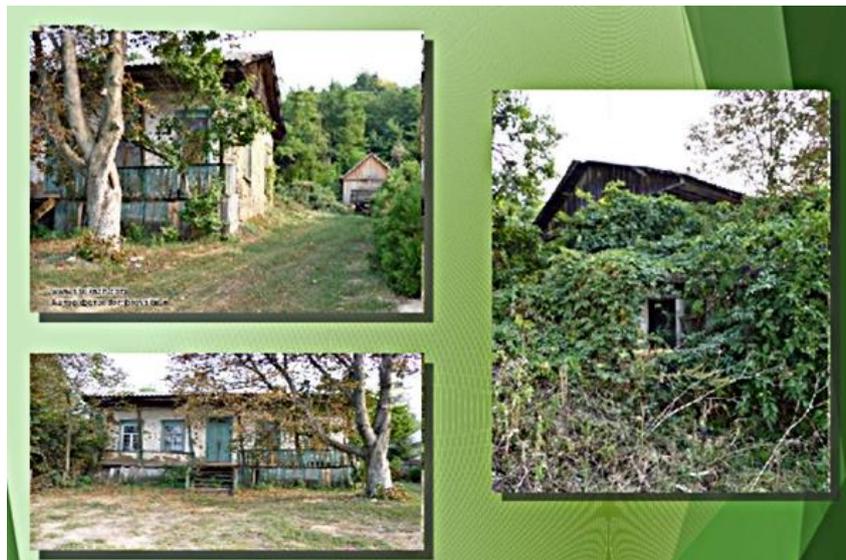
(Астроном выходит из тени, высвечивается его чёрная фигура между Лениным и Красиковым.)

Займитесь хотя бы тем, что тут, под боком. Ну, скажем, этим мерзким разсадником мракобесия – Лаврой в Сергиевом Посаде.

Астроном чуть улыбается, слегка наклоняет голову и выходит из кабинета.

СЦЕНА 18. ХАРЬКОВ .

На заднем сидении движущегося автомобиля – ЛИДИЯ и СОКОЛОВ.

Хутор Красная поляна, современный вид дачи сестёр Синяковых.

СОКОЛОВ. *Куда ты всё-таки меня везёшь?*

ЛИДИЯ. *Я ж сказала: в Красную поляну. Это тут за городом, не так далеко. На сегодняшний день снова побудешь моим партнёром.*

СОКОЛОВ. *Я венчался.*

ЛИДИЯ. *Мы с тобой в прошлый раз уже обсуждали этот вопрос. Впрочем, я ничего сомнительного и не предлагаю. Просто меня пригласили в одну весёлую компанию, а ехать одной как-то не хочется. Вот и всё.*

СОКОЛОВ. *А я что там буду делать?*

ЛИДИЯ. *Как и все – веселиться. Кроме того, у них гостит гениальный поэт из Москвы, будет читать стихи.*

СОКОЛОВ. *Вот лирики-то мне сейчас и не хватало!*

ЛИДИЯ. *Он не лирик, он – Председатель Земного Шара.*

СОКОЛОВ. *Ещё лучшие – душевнобольной.*

ЛИДИЯ. *Может быть... По крайней мере, побудешь в человеческих условиях. Я же вижу, что ты ведёшь свои шпионские игры. Днём, наверное, высматриваешь что-то, взобравшись на высокое дерево, ночью прячешься в пещере. А в Красной поляне – комфорт.*

СОКОЛОВ. *Как я выберусь оттуда?*

ЛИДИЯ. *Не бойся, отвезу тебя в твоё конспираторское логово.*

СЦЕНА 19. ТРОИЦКО-СУХАРЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ.

Март 1919-го года.

Кабинет Патриарха (такой, как описан в серии 4, сцене 2). За письменным столом сидит ПАТРИАРХ ТИХОН. На диване напротив него расположился ОТЕЦ ПЁТР.

ПАТРИАРХ ТИХОН (продолжая разговор). *Они просто объявили нам войну. Послушайте, отец.*

(Берёт со стола газету, читает.)

«В условиях разгорающейся гражданской войны мы должны усилить наступление на религиозное мракобесие и объявить бой церковникам всех мастей». Это – про нас.

ОТЕЦ ПЁТР. *Я уже в таких боях участвовал.*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Теперь они будут действовать вполне официально: их Совнарком принял постановление.*

(Берёт листок и читает.)

«Вскрытие мощей, производимое на местах по инициативе самих рабочих, необходимо приветствовать, так как во всех случаях, как и следовало ожидать, на поверку оказывается, что никаких “мощей” не существует, и при этом ясно для всех вскрывается многовековой обман служителей культа».

(Делает паузу.)

Какой у них язык! Так нормальные люди не пишут и не говорят!

ОТЕЦ ПЁТР. *Вот-вот, о мощах я, собственно, и хотел с вами поговорить...*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Внимательно слушаю, отец Пётр.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Не считите за фантазию, Ваше Святейшество... Даже как-то неловко... Речь идёт о сне... Мне дважды снился некий старец, очень похожий на преподобного Сергия. В последний раз он сказал: «Пётр, сохрани меня, а я сохраню Православную землю русскую». Вроде бы, всего лишь сон, но не даёт он мне покоя... Даже и не знаю, как объяснить...*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Вы говорите, говорите, отец Пётр.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Да ещё монах там у нас есть один. Много предсказывает. Вот он всё время мне твердит: поезжай к Святейшему Патриарху. Решайте, кого хранить и как хранить. Мол, беда Лавре грозит...*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Это и так понятно... Беда... Лавры у всех на виду. Что Сергеева, что Александрова... Одна надежда, что Господь отведёт удар. Я вот всё пишу, пишу – то Ульянову, то Калинин. Никакого толку... На всех бумагах моих лежит резолюция: «Оставить без последствий».*

ОТЕЦ ПЁТР. *Что же делать, Ваше Святейшество?*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Молиться, отче, молиться... Другой борьбы сейчас быть не может...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Как сохранить святыни?*

Патриарх встаёт из-за стола, подходит к полкам, берёт что-то и возвращается назад.

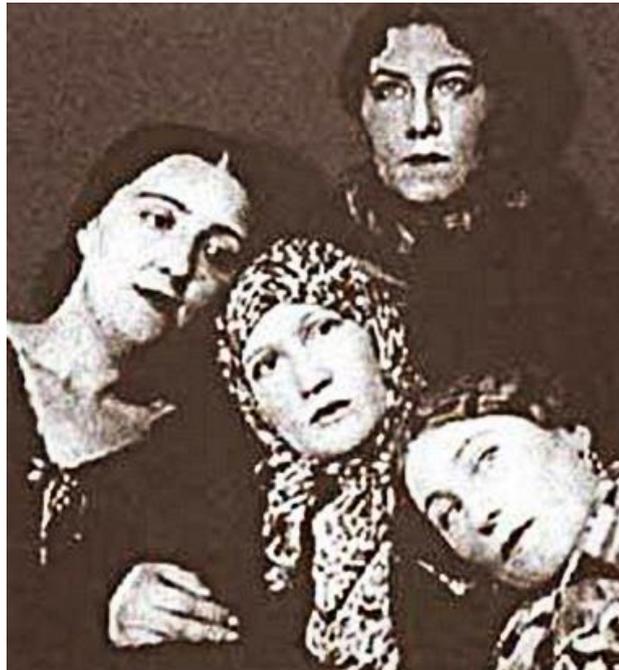
ПАТРИАРХ ТИХОН (протягивая деревянный ковчежец). *Этот кипарисовый ковчежец мне со Святой Горы в подарок прислали. Возьмите, отец Пётр как моё благословение. На крайний случай. Если будет угроза поругания или изъятия мощей преподобного Сергия,*

помоги Господь хоть что-то спасти. Я вам и записочку к архимандриту Крониду напишу: подумайте вместе, что можно сделать.

Патриарх садится за стол, пишет. Отец Пётр в задумчивости рассматривает ковчежец.

СЦЕНА 20. ХУТОР КРАСНАЯ ПОЛЯНА ПОД ХАРЬКОВОМ.

Автомобиль, в котором едут ЛИДИЯ ДЖЕКСОН и СОКОЛОВ, останавливается у дома, возвышающегося над воротами. За ним, на взгорье, виден сад. Лидия и Соколов высаживаются из автомобиля, входят в ворота, поднимаются по лестнице на террасу.

СЕСТРЫ СИНЯКОВЫ – «музы русского футуризма».

Слева направо: **МАРИЯ СИНЯКОВА-УРЕЧИНА** (1890–1984) – художница авангарда; за ней ухаживал Давид Бурлюк. **КСЕНИЯ (Оксана) СИНЯКОВА-АСЕЕВА** (1892–1985) – жена Николая Асеева; Асееву и сёстрам Синяковым адресована предсмертная записка Марины Цветаевой; после смерти Асеева Ксения жила с великим художником Анатолием Зверевым. **НАДЕЖДА СИНЯКОВА-ПИЧЕТА** (1889–1975) – был роман с Борисом Пастернаком, ей посвящены стихи из сборника «Поверх барьеров». **ВЕРА СИНЯКОВА-ГЕХТ** (1896–1973) – жена поэта Григория Петникова, потом – писателя Семёна Гехта; муза Велимира Хлебникова, правда, он был попеременно влюблён во всех сестёр, кроме Надежды; Надежде, Марии и Вере посвящена поэма «Три сестры»).

Старшей была **Зинаида СИНЯКОВА-МАМОНОВА** (1886–1942) – артистка оперы и балета, за ней ухаживал Владимира Маяковского.

ЛИДИЯ. *Кстати, красавец, как мне тебя представлять? Под каким шпионским псевдонимом ты скрываешься?*

СОКОЛОВ. *Это всё твои выдумки, Лидия. Никаких шпионов, никаких псевдонимов. Я такой, каким меня матушка родила и в храме Божиим крестили, – Константин Соколов. Теперь служу в Красной армии.*

ЛИДИЯ (смеётся). *Ты это будешь на допросе в ЧК рассказывать, а мне – не ври.*

Лидия и Соколов по террасе подходят к гостиной. Через дверь видно, что стены в ней оклеены ярко-красными обоями с попугаями. За столом, уставленным бутылками вина, закусками сидит богемная компания – хозяйки дачи СЕСТРЫ СИНЯКОВЫ, их гости. Выделяется молодой голубоглазый человек во френче, перепоясанном ремнями – следователь реввоен трибунала ГРАНДИЕВСКИЙ. По комнате большими пружинящими, подпрыгивающими шагами расхаживает поэт ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ. Высокий, сутулящийся; движения угловаты, но легки. Одет в гимнастёрку и штаны, на скорую руку сшитые из мешковины, на месте гульфика шнуровка из шпагата. Он медленно, тихо и очень медленно читает свои стихи.

Мария Синякова-Уречина.
Портрет Велимира Хлебникова.

ХЛЕБНИКОВ:

*В подвале за щитами решетки
Жили чеки усталые питомцы.
Оттуда гнал прочь прохожих часовой,
За броневым щитом усевшись.*

При появлении гостей Хлебников прерывает чтение, садится на диван, сгибается и опускает голову на колени. Из-за стола раздаются приветственные восклицания, обращённые к Лидии. К пришедшим подходит одна из сестёр – НАДЕЖДА. Она в свободном платье вроде хитона, волосы распущены.

НАДЕЖДА СИНЯКОВА (обнимая Лидию). *Лидуся, какое счастье, что ты удостоила нас своим посещением! Весь Харьков без ума от твоих выступлений!*

(Бросает взор на Соколова.)

А это твой новый кавалер? Красавец! Познакомь нас.

ЛИДИЯ. *Прошу любить и жаловать – Константин Соколов, знаменитый красный командир.*

Следователь Грандиевский пристально вглядывается в Соколова. Хлебников резко вскакивает с дивана и быстро направляется к двери.

ХЛЕБНИКОВ. *Я сейчас уйду от вас! Уйду! Эти господа вам интереснее, чем поэт!*

ВЕРА СИНЯКОВА (обнимая и удерживая Хлебникова). *Успокойтесь, Велимир, мы просто встретили гостей, а ваши творения мы готовы слушать вечно. Если вы уйдёте, мы все разом умрём! Вы этого хотите? Мы умрём!*

ХЛЕБНИКОВ (успокаиваясь и возвращаясь). *Нет смерти...*

ВЕРА СИНЯКОВА. *Конечно, нет, дорогой. Нет никакой смерти, и продолжайте читать.*

Надежда указывает Лидии и Соколову на свободные места за столом, те усаживаются. Хлебников вновь начинает расхаживать по комнате.

ХЛЕБНИКОВ (Лидии и Соколову). Поясняю вам, пришельцам: поэма называется «Председатель чеки» и посвящается вот этому господину или товарищу.

(Указывает на Грандиевского.)

ГРАНДИЕВСКИЙ. *Велимир, вы прекрасно знаете, что я никакой не председатель ЧКа, а всего лишь скромный следователь ревтрибунала.*

ХЛЕБНИКОВ. *Нет-нет! Мне лучше известно! Вы – Председатель чеки! Вы клеены из Иисуса и Нерона.*

ОКСАНА СИНЯКОВА. *Читайте же, Велимир, не томите!*

ХЛЕБНИКОВ. *На чём меня прервали? Впрочем, это неважно...*

(Запрокидывая голову и чуть прикрывая глаза, начинает читать.)

*И к одному окну в урочный час
Каждый день собачка белая и в черных пятнах
Скулить и выть приходила к господину,
Чтоб лаять жалобно у окон мрачного подвала.
Мы оба шли. Она стояла здесь, закинув ухо,
Подняв лапку, на трех ногах,
И тревожно и страстно глядела в окно и лаяла тихо.
Господин в подвале темном был.
Тот город славился именем Саенки...*

Соколов делает судорожное движение рукой и задевает бокал. Он падает на пол, летят брызги красного вина. Все оборачиваются к Соколову. Грандиевский снова вглядывается в его лицо.

ГРАНДИЕВСКИЙ (Соколову). *Что вас так взволновало, товарищ командир? И бокал разбили... Вы знаете Степана Саенко?*

СОКОЛОВ (нервно). *Нет, не знаю. А кто это?*

ГРАНДИЕВСКИЙ. *Ну как же, от него теперь дрожит весь Харьков. Вот он-то и есть главный «председатель чеки» – комендант лагеря для арестованных контрреволюционеров.*

Входит горничная и начинает сметать с пола осколки. Надежда передаёт Соколову новый бокал вина.

СОКОЛОВ. *Я только сегодня прибыл в город для инспекции конского состава кавалерийских частей Красной армии. Так что не успел познакомиться с вашей знаменитостью.*

ГРАНДИЕВСКИЙ. *Может быть, хотите познакомиться?..*

СОКОЛОВ. *Может быть... Однако у меня много дел по службе.*

ГРАНДИЕВСКИЙ. *Как знаете. Для инспекции, говорите, прибыли? Я на минуточку...*

Грандиевский выходит из комнаты.

СЦЕНА 21. ЯЛТА. ПРИСТАНЬ. Март 1919-го года.

К пристани подходит русский военный корабль, на палубе которого толпятся офицеры и солдаты Белой армии. На баке стоит МИЧМАН и в бинокль рассматривает большой английский крейсер «Мальборо», движущийся в противоположном направлении. Рядом с мичманом – ГЛЕБ. Мичман видит на палубе «Мальборо» вдовствующую Императрицу МАРИЮ ФЁДОРОВНУ и высокую фигуру Великого князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА.

МИЧМАН (указывая на крейсер). *Господа! На английском крейсере вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна и Великий князь Николай Николаевич.*

(Оборачивается к окружающим и выкрикивает.)

Ея Величеству Императрице...

БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ. *Ура! Ура! Ура!..*

МИЧМАН. *Верховному главнокомандующему...*

БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ. *Ура! Ура! Ура!..*

Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1856–1929)
и вдовствующая Императрица МАРИЯ ФЁДОРОВНА (1847–1928)
на борту английского крейсера «Мальборо» 13-го марта 1919-го года.

Крики «Ура!» продолжают. Камера переходит на борт «Мальборо». Великий князь стоит, приложив руку к папахе. Императрица достаёт платок и, приподняв вуаль, вытирает глаза. Рядом с ней, облокотившись на ограждение, всматривается в военный корабль ЕПИСКОП НЕСТОР. В некотором отдалении – ФЁДОР АРХАНЕЛЬСКИЙ. Снова показывается белогвардейский корабль.

ГЛЕБ. *Разрешите, мичман, и я взгляну.*

МИЧМАН (передавая бинокль). *Смотрите, поручик, смотрите: последние обломки великой Империи.*

Глеб останавливает бинокль на Великом князе, потом на Императрице. Переводит бинокль и видит епископа Нестора, к которому в этот момент подходит Фёдор.

ГЛЕБ (суёт бинокль мичману и кричит, складывая ладони рупором). *Фёдор! Федя! Братик!*

(Продолжающиеся крики «Ура!» и гудок крейсера заглушают его голос).

Владыка! Владыка Нестор!

Теперь уже гудит швартующийся корабль белогвардейцев. На борту удаляющегося «Мальборо» Императрица что-то говорит епископу Нестору. На корабле белогвардейцев Глеб в безсилии бьёт кулаком по канатам ограждения.

СЦЕНА 22. ПОСЁЛОК КРАСНАЯ ПОЛЯНА ПОД ХАРЬКОВОМ.

ГРАНДИЕВСКИЙ возвращается в гостиную.

Велимир ХЛЕБНИКОВ (1885–1922) .

По сценарию Хлебников читает свою поэму «Председатель чеки» в 1919-м году. Обычно же она датируется 1921-м. Хотя, надо сказать, что временная атрибутика произведений Хлебникова очень часто бывает проблематичной и относительной.

ХЛЕБНИКОВ (делая нервический жест). *Опять все мешают поэту...*

МАРИЯ СИНЯКОВА. *Продолжайте, дорогой поэт, умоляю вас.*

ХЛЕБНИКОВ. *Только на этот раз не мешать!*

(Расхаживает по комнате и медленно читает.)

*Тот город славился именем Саенки.
 Про него рассказывали, что он говорил,
 Что из всех яблок он любит только глазные.
 «И заказные», – добавлял, улыбаясь в усы.
 Дом чеки стоял на высоком утёсе из глины
 На берегу глубокого оврага
 И задними окнами повернут к обрыву.
 Оттуда не доносилось стонов.
 Мёртвых выбрасывали из окон в обрыв.
 Китайцы у готовых могил хоронили их.
 Ямы с нечистотами были нередко гробом,
 Гвоздь под ногтем – украшением мужчин.*

Хлебников заканчивает чтение и приближается к Грандиевскому. Все молчат в оцепенении. На улице слышен шум автомобильного мотора. Соколов, прислушиваясь к этому звуку, подходит к открытому окну, держа в руке бокал.

ХЛЕБНИКОВ (Грандиевскому). *Как вам нравится Саенко?*

Дверь в гостиную распахивается, и на пороге появляется СТЕПАН САЕНКО.

СТЕПАН САЕНКО. *Привет честной компании! Не ждали? Я уж без приглашения, извиняюсь.*

Общее молчание. Соколов с шумом роняет бокал на пол, снова летят красные брызги вина, растворяясь на красных обоях. Все смотрят на пол. В этот момент Соколов выпрыгивает в окно. Саенко бросается к окну, выглядывает и тоже прыгает. Грандиевский – вслед за ним. Лидия едва уловимо посылает воздушный поцелуй в сторону окна и незаметно покидает гостиную. Из сада слышатся выстрелы, а через некоторое время – шум завожжающегося мотора.

СЦЕНА 23. ПАЛУБА АНГЛИЙСКОГО КРЕЙСЕРА «МАЛЬБОРО».

На палубе крейсера разговаривают вдовствующая Императрица МАРИЯ ФЁДОРОВНА и ЕПИСКОП НЕСТОР. На некотором расстоянии от них стоят внучка Императрицы КНЯГИНЯ ИРИНА ЮСУПОВА и ФЁДОР.

Крейсер «Мальборо».

МАРИЯ ФЁДОРОВНА. *Нет, в Англии я не останусь. Раз уж у меня отняли мою вторую родину – Россию, то вернусь на первую – в Данию. Приглашаю вас, владыка, ехать со мной. Мы в Копенгагене построили замечательный храм Александра Невского. Будете служить там и меня, грешную, своим духовным попечением не оставите.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Благодарю, Ваше Величество, но я твёрдо решил вернуться как раз на свою вторую родину – на Камчатку.*

МАРИЯ ФЁДОРОВНА. *Там сейчас большевики?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Не знаю... Если они, то тем более я необходим моим духовным детям. Они добрые, но наивные, их легко обмануть.*

МАРИЯ ФЁДОРОВНА. *Так вам же, владыка, придётся целое кругосветное путешествие совершить – из Константинополя до Камчатки!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *С молитвой, которая от сердца, всё возможно.*

МАРИЯ ФЁДОРОВНА (указывая на Фёдора). *А этот милый юноша, который пытался спасти моего Ники, тоже с вами поедет?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Да, хочу взять его с собой. Только спасти Государя пытался не он, а его брат.*

МАРИЯ ФЁДОРОВНА. *Простите...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Феодор воевал с красными... Под Екатеринодаром погибла его возлюбленная... Год уже в себя прийти не может.*

МАРИЯ ФЁДОРОВНА (со вздохом). *Ох, как я его понимаю... Но я чувствую, чувствую, что Ники жив, и все они живы!*

КНЯГИНЯ ЮСУПОВА. *Ваше величество, адмирал Колчак провёл следствие...*

МАРИЯ ФЁДОРОВНА. *Что мне адмирал Колчак... Я знаю: они живы.*

(После паузы.)

Принеси, Ирочка, бинокль: хочу посмотреть на Россию... Может, в последний раз.

Княгиня Ирина подносит бинокль и держит у глаз Императрицы. Та сморит на скрывающийся за туманом крымский берег.

СЦЕНА 24. ХАРЬКОВ. КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ПОДПОЛЬНОГО ЦЕНТРА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ. Март 1919-го года.

В комнате висят облака дыма. Стоят, сидят, расхаживают, курят шесть офицеров. Среди них – СОКОЛОВ. Он и ещё двое в форме красных командиров. Остальные одеты в штатское: ШТАБС-РОТМИСТР ВЛАДИМИР ИВАНОВ (низкорослый, коренастый, с прокуренными усами), ПОРУЧИК ЕВГЕНИЙ КОКУНЬКО (тоже усатый, голова острижена наголо), КОРНЕТ ГЕОРГИЙ ПАНЧУЛИДЗЕВ (молодой, высокий, изящно одетый грузин).

КОКУНЬКО. *Этот пёс Саенко совсем сорвался с цепи. Хватает первых попавшихся людей прямо на улице.*

ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Не только первых попавшихся: вчера взяли ещё пятерых наших. Скоро совсем никого не останется, все переместятся в Саенкин лагерь.*

ИВАНОВ (выбивая о пепельницу золу из маленькой трубки). *И будет у нас лагерная добровольческая армия.*

СОКОЛОВ. *Володя, подожди... Это ведь здравая мысль...*

ИВАНОВ. *Какая ещё мысль? Насчёт мыслей – это не ко мне, а вон к Жоржу Панчулидзеву.*

(Указывает на него.)

Моё дело – рубиться... Шашки наголо!

СОКОЛОВ. *Сам знаешь, и палка раз в сто лет стреляет. Ты действительно дельную мысль подал: создать отряд из тех, кто в лагере у Саенки сидит.*

КОКУНЬКО. *Понял тебя, Костя: зримо побег, своих из лагеря спасём и – тикать.*

ПАНЧУЛИДЗЕВ (с воодушевлением). *Или тут краснопузым жэ́ру подддим!*

СОКОЛОВ. *И убьём Саенку!*

ИВАНОВ (в раздумье). *Для этого надо заранее проникнуть в лагерь, организовать там людей, как-то доставить оружие. Сложно...*

ПАНЧУЛИДЗЕВ. *А я Саенке сам сдамся. Аось, не разстреляет, а посадит.*

КОКУНЬКО. *Одному нельзя – опасно, да один и не справишься... Я, пожалуй, тоже сдамся.*

ИВАНОВ. *Тогда уж и я: втроём веселее. Шашки наголо!*

СОКОЛОВ. *Хорошо. Принимаем как ориентировочный план. А до завтра ещё обдумаем. Теперь надо расходиться, пока не стемнело. Вечером чека метёт всех подряд.*

Офицеры разбирают шинели, пальто, разбросанные тут и там, расходятся. Соколов остаётся один, садится за стол, опирает голову на руки.

СОКОЛОВ. «Из всех яблок он любит только глазные»... Надо же, как сказал этот сумасшедший... В стихах даже страшнее, чем в жизни... Мороз пробирает...

СЦЕНА 25. ДОМ СВЯЩЕННИКА ПРИ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ. Конец марта 1919-го года, Седмица Вайй.

Поздний вечер. ОТЕЦ ПЁТР сидит за письменным столом в своей комнате, пишет. Потом роняет голову на руки. Дверь тихонько открывается и входит ПАВЛИК, одетый в белый стихарь, голова забинтована. Подходит к отцу и осторожно трогает его за плечо. Тот вздрагивает, поднимает голову и с изумлением смотрит на погибшего сына.

ПАВЛИК. *Батюшка, вставайте, уже пора!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Павлик... Откуда ты здесь?*

ПАВЛИК. *С Камчатки. Пойдемте, батюшка, пора!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Куда пойдём?*

ПАВЛИК. *К преподобному Сергию. Сегодня день его памяти, а вы всё спите!*

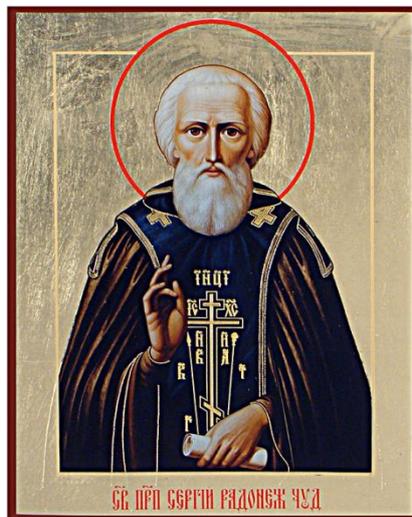
ОТЕЦ ПЁТР. *Погоди... Какая память? Сейчас же только весна, ещё Пасхи не было. Далеко до Сергиева дня!*

ПАВЛИК (дергая отца за руку). *Пойдемте, батюшка, пойдемте!*

Отец Пётр встаёт, Павлик выводит его за руку. Они сразу попадают из вечера – в яркое утро ранней весны, из сельского дома – на площадь перед Троицким собором Лавры. Площадь пустынна.

ОТЕЦ ПЁТР (осматриваясь вокруг). *Ты же говорил: память преподобного Сергия, а, посмотри – и нарду никого нет.*

Отец Пётр оглядывается на Павлика, но тот исчез. Дверь собора открывается, из неё выходит СРЕБРОБОРОДЫЙ СТАРЕЦ, являвшийся в первых снах (серия 3, сцена 35 и серия 7, сцена 9). Теперь его внешность полностью соответствует иконографическим изображениям ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. Вдруг в воздухе пролетает церковное копие и отделяет от туловища голову преподобного Сергия. Голова повисает в воздухе в нескольких сантиметрах от туловища. Преподобный берёт двумя руками голову и протягивает отцу Петру.

Преподобный СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ,
игумен земли Русской, всея России чудотворец
(в миру Варфоломей; 1314 или 1332–1392).

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ. *Пётр, сохрани меня, а я сохраню Православную землю русскую.*

Отец Пётр становится на колени и принимает голову из рук Преподобного. Камера снова переносится в комнату отца Петра: он спит за столом, положив голову на руки. Потом просыпается, испуганно осматривается. В комнате всё по-прежнему. Только огонёк в лампадке начинает колебаться, как от дуновения ветра, потом вспыхивает и высвечивает образ преподобного Сергия.

СЦЕНА 26. СЕРГИЕВ ПОСАД.

29-е марта 1919-го года, пятница перед Лазаревой Субботой.

По улице идут ОТЕЦ ПЁТР и наместник Лавры АРХИМАНДРИТ КРОНИД.

ОТЕЦ ПЁТР. *Вот такой сон, отец Кронид, такой сон. Теперь я точно понял: и в прежние разы мне преподобный Сергий являлся.*

АРХИМАНДРИТ КРОНИД. *Да... Чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель!..*

ОТЕЦ ПЁТР. *Уже известно, когда будут вскрывать мощи?*

АРХИМАНДРИТ КРОНИД. *Думается, сегодня и будут. Неспроста исполком на вечер созывает представителей волостных сходов, приходо́в, скитов... Наша борьба проиграна... Не сомневаюсь, что после начнется издевательство над святыми мощами в большевицких газетах, опровергнуть которые не будет никакой возможности – вся печать в их же руках.*

Наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит КРОНИД (в миру Константин Петрович Любимов; 1859–1937, разстрелян на Бутовском полигоне).

Прославлен в лике преподобномучеников в 2000-м году.

ОТЕЦ ПЁТР. *Конечно, ведь какой бы результат вскрытия ни получился, большевики от издевательств и травли всего, что дорого православному человеку, не отстанут. В противном случае им пришлось бы отказаться от многих своих планов по возвращению народа.*

АРХИМАНДРИТ КРОНИД. *Надо решаться... Спасти от поругания хотя бы частицу святыни... И копии в вашем сне было как бы знак... И Святейший Патриарх ковчежец вот такой прислал...*

(Руками показывает размер человеческого черепа.)

Пойдём, отец Пётр, помолимся, может быть, Господь вразумит...

Сзади них слышатся торопливые шаги. Потом появляется почти бегущий СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ, голова его перебинтована.

ОТЕЦ ПЁТР (тихо архимандриту Кронида, указывая на монаха). *Посмотрите, как он на преподобного Сергия похож. И у него с головой что-то...*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Мир вам, честные отцы!*

Архимандрит Кронид и отец Пётр раскланиваются с ним.

ОТЕЦ ПЁТР. *Что у вас с головой-то, батюшка?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Чего? А-а, это... Так, пришибся маненько. Не обо мне речь. Бежим, отцы, Преподобного спасать! В беде он!*

Сребробородый монах вприпрыжку продолжает свой путь. Архимандрит Кронид и отец Пётр останавливаются.

АРХИМАНДРИТ КРОНИД. *Ещё один знак... Ну, спасать – так спасать. Господи, благослови!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Благослови, Господи!*

Оба направляются к Лавре.

СЦЕНА 27. ХАРЬКОВ, СУМСКАЯ УЛИЦА. ЗДАНИЕ КОМЕНДАТУРЫ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЧК, КАБИНЕТ СТЕПАНА САЕНКО. Тот же день.

За столом, накрытым красной скатертью, под большим портретом Ленина сидят СТЕПАН САЕНКО и ПАВЕЛ КИН, военно-революционный комендант Харькова. Саенко в кожаной куртке, Кин – в красном галифе и красной куртке; курит изогнутую трубку. На столе – штоф водки, стаканы, миска с картошкой в мундире, растерзанная жареная курица. Степан Саенко большим ножом большими кусками режет сало. Кин откладывает трубку и дополна наполняет стаканы.

Здание комендатуры Харьковской ГубЧКА на Сумской улице.

ПАВЕЛ КИН. *Вот что, Стёпа, давай-ка помянем Яшу Свердлова. Во был человечисце! Железный!*

Саенко пальцами раскладывает сало на тарелке, берёт стакан. Выпивают, заедают салом.

СТЕПАН САЕНКО. *Да, слышал, помер он... От испанки...*

ПАВЕЛ КИН. *Какая, к чёрту, испанка! Тёмные рабочие в Орле его забили. Точно знаю. Он внутри был железный, Яша Свердлов, а снаружи хлипкой.*

СТЕПАН САЕНКО. *Ты с ним в друзьяках ходил?*

ПАВЕЛ КИН. *В друзьяках – не в друзьяках, а в пятом годе в Екатеринбурге славно повоевали. И легавых били, и Чёрную сотню, и кого только не били. А какие экссы заделывали: почту, транспорты с деньгами, казначейства брали!*

СТЕПАН САЕНКО (разливая водку). *Хорошо пожили!*

ПАВЕЛ КИН. *А какие люди были! Тот же Яша Свердлов... Жаль его. Помянем.*

(Выпивают.)

И ещё Яша с нами был, Юровский. Тожэ хват! Встретил тут его недавно. Это он ведь Николашку кровавого успокоил. Во как! Один Яша сказал, другой Яша кокнул...

Входит помощник Саенко КОЛЯДУН – могучий, кривоногий матрос в тельнике под кожаной курткой.

КОЛЯДУН. *Степан, пошептаться бы надо.*

СТЕПАН САЕНКО. *Чего тебе, Колядун? Проходи, братишка. Здесь все свои.*

(Указывает на стол.)

Пей!

Саенко наполняет стакан и протягивает Колядуну.

СЦЕНА 28. СЕРГИЕВ ПОСАД, ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРОЙ. Вечер того же дня.

Вскрытие „мощей“ Сергия Радонежского.

...В шестом часу вечера ворота запираются, и это служит сигналом для религиозно-настроивших и по-своему фанатичных женщин. Поднимаются вопли и истерические причитания. Слышатся утром и самая отчаянная брань. Однако спровоцировать Советскую власть на выстрелы и тем самым пролить кровь только не удалось...

Фотография и подпись к ней из книги М.В. Горева «Троицкая Лавра и Сергей Радонежский: Опыт историко-критического исследования». М., 1920.

Книгу написал священник-разстрига Михаил Горев (Галкин) – инструктор 8-го отдела Наркомюста, занимавшегося проведением в жизнь декрета «Об отделении церкви от

государства и школы от церкви". Эта книга – образец антирелигиозной пропаганды того времени. В частности, Горев пытается хоть как-то оправдать массовый народный протест против вскрытия мощей преподобного Сергия, заявляя, что все жители Сергиева Посада – торговцы-кулаки и «купцы-хищники», содержатели притонов, которые по-своему извлекали выгоду из Лавры и ее «религиозного фетиша».

Вечер. Все ворота Лавры закрыты. У ворот, на стенах, у колокольни выставлены караулы из чекистов, курсантов Военной академии с винтовками и подсумками боевых патронов. Вся площадь запружена народом. Видны шляпки, платки, шляпы, фуражки. Среди женщин стоит АННА. Перед толпой выстроена цепь конных красноармейцев.

ПАРЕНЬ ИЗ ТОЛПЫ (размахивая палкой и продвигаясь вперед). *Братцы! Хватай кольё! Ломай ворота! Не дадим изгаляться над святыней! Ломай!*

Навстречу ему из-за конного ограждения выходит ЧЕКИСТ с наганом в поднятой руке.

ЧЕКИСТ (стреляя в воздух). *Назад!!!*
(Стреляет ещё раз).

Назад, я сказал!

Толпа на секунду замирает, потом слышатся крики.

1-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Стреляйте в нас, ироды!*

2-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Стреляй, окаянный!*

ЧЕКИСТ. *Успокойтесь, граждане! Никто в вас стрелять не собирается. Это я так, для остротки. Мы только посмотрим, что там под видом мощей лежит.*

(Смеётся.)

Может, опы там от народа самогонку прячут. Так мы её сами и выпьем. А не будет самогонки, так вас пустим – нюхайте свои гнилушки!

3-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Безбожник!*

4-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Гнать его в шею!..*

В это время подъезжают грузовики с киноаппаратурой для съёмки. Успенские ворота приоткрываются. Люди бросаются на цепи курсантов и чекистов. Давка. Лошади, поднявшись на дыбы, ржут; кричат женщины; курсанты и чекисты стреляют в воздух. Из толпы бросают комья тающего грязного снега.

5-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Христопродавцы! Иуды!*

Ворота закрываются.

СЦЕНА 29. КАБИНЕТ СТЕПАНА САЕНКО.

За столом сидят СТЕПАН САЕНКО, ПАВЕЛ КИН и МАТРОС КОЛЯДУН.

СТЕПАН САЕНКО (Кину). *Слышь, Пашка, а говорят, бывший царь жив. Его немцам или англичанам продать хотят.*

ПАВЕЛ КИН. *Брежут! Какой там жив! Яшка Юровский своей рукой всех кончил!*

СЦЕНА 30. ЕКАТЕРИНБУРГ. ДОМ ИПАТЬЕВА.

Более года назад – 4-е июля, 1918-го года.

Ночь. Кинокамера показывает с улицы: дом окружён забором на уровне 2-го этажа. На углу справа стоит часовой у будки. Рядом – небольшая часовня. Вдруг часовня освещается, из неё слышатся закадровые голоса.

Екатеринбург. Дом Ипатьева в 1918-м году.

ГОЛОС ПАТРИАРХА ТИХОНА. *Путь неправды отстави от мене, и законом Твоим помилуй мя.*

ГОЛОС СРЕБРОВОРОДОГО МОНАХА. *Якоже пшеничное зёрно, зашед в недра земная, многоёрстный воздал еси клась, возставивъ человеки, яже отъ Адама.*

Камера переносится через первый забор и упирается во второй. Два забора образуют передний двор. В нём стоит грузовик «Фиат» с включённым двигателем (его шум слышен на протяжении всей сцены). Внутри машины сидит шофёр. Во втором заборе видна калитка. Через неё камера проникает в захламлённый внутренний двор. Слышатся закадровые голоса.

ГОЛОС ГЕНЕРАЛА КЕЛЛЕРА. *Удали от меня путь, ведущий к неправде, и по закону Твоему помилуй меня.*

ГОЛОС ГЕНЕРАЛА ДРОЗДОВСКОГО. *Подобно пшеничному зерну, погружившемуся в глубину земли, Ты произрастил плодородный колос, восстановив смертных, происшедших от Адама.*

Из дальней двери подвального этажа, находящейся с торца здания, выбегает начальник внешней охраны МЕДВЕДЕВ, останавливается у дерева. Со спины видно, что его тошнит. Из подвала появляются чекисты ЮРОВСКИЙ, КУДРИН, НИКУЛИН, чуть позже – краском ЕРМАКОВ. Никулин лоскутом простыни, перевязывает Юровскому кровоточащий палец.

ЮРОВСКИЙ. *Какая падла мне палец чуть не отстрелила? Узнал бы, грохнул бы вместе с теми...*

(Оборачивается к Ермакову.)

Ермаков, а ну-ка, покажь, чё ты в карман сунул?

ЕРМАКОВ. Чё я сунул? Чё ты привязался?

ЮРОВСКИЙ. Покажь, говорю!

(Ермаков нехотя достаёт из кармана золотой портсигар.)

У бывшего царя стырил? На кой ляд он тебе, гад?

ЕРМАКОВ. Так, память о событии... Николаше он теперь без надобности.

ЮРОВСКИЙ. Положь, где всё ихнее лежит, а то сейчас самого разстреляю!

ЦАРУБИИЦЫ.

Слева направо: красный командир **Пётр Захарович ЕРМАКОВ (1884–1952)**; в 1951-м году в Свердловске на торжественном приеме Ермаков протянул руку маршалу Жукову, тот ответил: «Я палачам руки нежимаю». Чекист **Михаил Александрович МЕДВЕДЕВ-КУДРИН (1891–1964)**; по всей видимости, именно его выстрелом был убит Государь; завещал Хрущёву браунинг, из которого был убит Император, Фиделю Кастро – свой кольт. Начальник внешней охраны Ипатьевского дома **Павел Спиридонович МЕДВЕДЕВ (1888–1919)**; попал в плен к белым, умер от тифа в Екатеринбургской тюрьме. Комендант Ипатьевского дома чекист **Яков Михайлович ЮРОВСКИЙ (Янкель Хаимович Юровский; 1878–1938)**; руководитель разстрела. Помощник коменданта чекист **Григорий Петрович НИКУЛИН (1895–1965)**; за неделю до царевубийства застрелил в спину гофмаршала двора князя В.А. Долгорукова; могила Никулина на Новодевичьем кладбище находится рядом с захоронением В.Н. Ельцина, разрушившего дом Ипатьева.

Член Екатеринбургского комитета РСДРП(б)

Филипп Исаевич ГОЛОЩЁКИН (Шая Ицикович Голощёкин; 1876–1941, разстрелян) – один из главных организаторов разстрела Императорской семьи.

В начале 1930-х гг. результатом коллективизации, проведенной Голощёкиным в Казахстане, стал катастрофический голод. Арестован в 1939-м г. по обвинению «в том, что являлся участником антисоветской организации, проводил борьбу против ЦК ВКП(б), а также занимался педерастией». Бывший нарком внутренних дел Н.И. Ежов в своих показаниях упоминает Голощёкина как гомосексуального партнёра.

Ермаков идёт обратно в подвал. В калитку входит ГОЛОЩЁКИН (не утрированно гомосексуальная манера речи и поведения).

КУДРИН. Ты где был, товарищ Голощёкин?

ГОЛОЩЁКИН. Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно.

ЮРОВСКИЙ. Ну и хрен с ним!

Солдаты охраны выносят из подвала и несут к грузовику самодельные носилки – две оглобли, к которым привязана простыня. Носилки накрыты куском шинельного сукна, под которым угадываются контуры человеческого тела. Камера переносится за внешний забор и показывает ярко освещенную часовню. Из неё слышатся закадровые голоса.

ГОЛОС ЕПИСКОПА НЕСТОРА. *Гордии законопреступоваху до зела: от закона же Твоего не уклонихся.*

ГОЛОС ОТЦА ПЕТРА. *Агница Агнца зряци в заколении, острием прободяема, рыдаше, сподвигши и стадо вопити.*

Показывается внутренний двор. Солдаты выносят из дома носилки, перекладывают их содержимое в машину, возвращаются назад, и так далее. Слышатся закадровые голоса.

ГОЛОС СОКОЛОВА. *Гордые дерзостно попирали закон; но не уклонился я от закона Твоего.*

ГОЛОС ВАРВАРЫ. *Агница, видя Агнца закалаемым и пронзаемым копьем, рыдала, побуждая взывать и стадо.*

Голощёкин подходит к носилкам, чуть приоткрывает сукно.

ГОЛОЩЁКИН. *Конец, говоришь, династии Романовых?! Да...*

ЮРОВСКИЙ (потрясая в воздухе рукой). *Вот эта рука Якова Юровского кончила Николая Кровавого!*

КУДРИН (кричит). *Брешешь ты всё, Яшка!*

(Тоже трясёт рукой.)

Рука Михаила Кудрина Николашку шлёпнула!

Камера переносится за внешний забор и показывает ярко освещенную часовню. Из неё слышатся закадровые голоса.

ГОЛОС ЕПИСКОПА НИКОДИМА. *Далече от грешник спасение, яко оправданий Твоих не взыскаша.*

ГОЛОС ОТЦА НИКОЛАЯ, УБИТОГО ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ. *В кладенец истления вси спогибают мужие кровей.*

Камера снова переносится во внутренний двор. Там солдаты по-прежнему выносят носилки из подвала. Слышатся закадровые голоса.

ГЛОЛОС ГЛЕБА. *Далеко от грешников спасение, ибо повелений Твоих не ищут.*

ГЛОЛОС ТАЛОЧКИ. *В колодце погибели гибнут все вместе люди кровожадные.*

За внешним забором сияние вокруг часовни гаснет.

СЦЕНА 31. ЕКАТЕРИНБУРГ. ДОМ ИПАТЬЕВА

Прожектором освещается внутренний двор. Через незакрытую Голощёкиным калитку с улицы вбегают ДВЕ СОБАЧКИ: рыже-пегий кокер Джой (Цесаревича Алексея) и коричневая французская бульдожка Ортипо (Великой княжны Татьяны). Собаки оглядываются вокруг. Потом Джой семенит к ближней двери и, молча, скребётся в неё. Ортипо застывает, растопыривает ноги и начинает громко лаять в сторону царевушек.

**Французская бульдожка ОРТИПО
на руках у Великой княжны ТАТЬЯНЫ (слева).**

Ортипо – подарок корнета гвардии Д.Я.Маламы, с которым Великая княжна познакомилась в госпитале в 1914-м году. Ортипо забита прикладом карабина во дворе Ипатьевского дома. Малама после получения известий о гибели Царской семьи отчаянно искал смерти в бою. Погиб в 1919-м под Царицыным в конной атаке на позиции красных.

**Кинг-чарльз-спаниель ДЖИММИ
на руках у Великой княжны АНАСТАСИИ (1901-1918) – 2-я справа.**
Джимми (подарок А.А. Вырубовой) был убит в подвале Ипатьевского дома вместе со своей хозяйкой.

ЮРОВСКИЙ (указывая перевязанным пальцем на Ортипо). *Это чего, княжны собака?*
(Никулину.)

Сынок, поди, убери на хер эту тварь! И без неё в ушах звенит. Да и город весь переполошит, сука.

Никулин обходит Ортипо сзади и сильно бьёт её прикладом карабина по голове. Собака взвизгивает, падает. Никулин бьёт еще раз и несёт трупик к грузовику. Из подвала появляется Ермаков у него в руке тоже трупик – очень маленькая чёрно-рыжая собачка с длинной шерстью (Джимми, кинг-чарльз Великой княжны Анастасии). Ермаков замечает Никулина, идущего к машине.

ЕРМАКОВ (Никулину). *Погоди, Никулин.*
(Смеётся и трясёт трупиком Джимми.)

Царским собакам вместях веселее будет.

Оба одновременно бросают собак в машину на человеческие трупы. Джой всё также тихо скребётся и тыкается мордой в закрытую дверь: он ослеп.

Кокер-спаниель ДЖОЙ

рядом с Цесаревичем АЛЕКСЕЕМ (на руках – кот Котька).

Джой, прибежавший после разстрела Семьи, не лаял и не выл, поэтому царевубийцы не обратили на него внимания. Позднее ослепшего пса забрал охранник Михаил Летёмин (вместе с наворованными вещами). После того как город заняли белые, Джоя встретил у Ганиной Ямы полковник Павел Павлович Родзянко, хорошо знавший Царскую семью. Пёс и привел его к Летёмину, который был немедленно арестован. А Джоя взял Родзянко, впоследствии эмигрировавший в Великобританию. Король Георг V (в своё время отказавшийся спасти Императорскую семью) оставил Джоя жить во дворце, и после смерти пёс был похоронен на кладбище королевских собак в Виндзорском замке. Об этом рассказал позднее епископ Сан-Францисский и Западно-Американский Василий (в миру Владимир Михайлович Родзянко) – двоюродный племянник Павла. Есть и другая версия: Джой так и остался у Павла Родзянко.

КОНЕЦ СЕДЬМОЙ СЕРИИ